

ДОЛГОПолова О.П.

УЗОРЫ МИРОЗДАНИЯ

18+

Оксана Долгополова

Узоры мироздания

<https://litres.ru/73964203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от человека, когда у него отнимают всё: убеждения, память, голос, саму способность выбирать?

Александр Елецкий был астрофизиком. Он верил в силу разума, в незыблемость законов физики, в то, что у всего есть объяснение. Но однажды ночью привычный мир рухнул. В его дом пришёл свет. Необъяснимый, разумный, чужой. А вместе с ним явился голос, который знал о Вселенной то, чего не знал никто из людей.

Истина обрушилась на учёного, как лавина. Ему показали прошлое Земли. Ему показали, кем на самом деле были боги древности. Ему предложили великое знание, но за право видеть мир другими глазами, ему пришлось заплатить страшную цену.

«Узоры мироздания» — это история-размышление о границах познания. История, где наука встречается с мифом, где космический масштаб переплетается с камерной драмой одного человека. Это глубокая, яркая история, которая никого не сможет оставить равнодушным.

Содержание

Глава 1. «Падение храма разума»	4
Глава 2. «Новый взгляд»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Узоры мироздания

Глава 1. «Падение храма разума»

Елецкий Александр Сергеевич был астрофизиком до кончиков пальцев. Он полностью отдавал себя науке, и возможно, именно поэтому на личную жизнь совсем не оставалось времени. Семьи у мужчины не было. Двадцать семь лет он провёл у телескопов, спектрографов и суперкомпьютеров, фанатично решая уравнения Вселенной. Наука была его единственной верой, формулы – молитвами, а учёные, вроде Эйнштейна, Хокинга или Ландау – были его пророками. Он стал жрецом науки в собственном храме Разума. И эта слепая вера в материальный мир оказалась куда сильнее, чем вера во что-либо духовное. Елецкий принимал лишь то, что можно измерить или доказать – всё остальное учёный решительно называл выдумкой и ложью.

Именно по этой причине, мозг астрофизика упорно отказывался принимать увиденное им за правду.

Учёный сидел в своей постели и с недоумением смотрел на яркое свечение. Слепящее, сконцентрированное буквально в пяти метрах от него. В том самом кресле, где он обычно читал свои любимые научные журналы. Александр внимательно смотрел на этот странный свет и не понимал... впервые не понимал, что происходит...

Вязкие после сна мысли беспрестанно путались и теряли связь с реальностью.

«Это переутомление? Зрительная агнозия? Или галлюцинация? А может, это пожар? Нет. Не чувствую запах дыма... Да что это, чёрт побери?» - Елецкий потянулся к прикроватной тумбочке, нащупывая руками очки. Это был старый, до мозга костей научный жест - желание сфокусировать реальность, сделать её чёткой и понятной. Однако, очки не помогли.

Мужчина удивлённо застыл.

Его разум, привыкший объяснять любое событие с научной точки зрения, находился в ступоре. Холодные расчёты вытесняло неожиданное чудо. А учёный точно знал – чудес не бывает. Их нет и быть не может! И всё же, мерный, живой ритм пульсирующего света говорил об обратном – происходит что-то необъяснимое, странное или даже сверхъестественное... не поддающееся научной интерпретации.

Елецкий тихо выругался.

«У всего есть объяснение», - твердил он про себя. – «Шаровая молния? Или, возможно, редкое световое явление?»

Александр вспоминал данные, мысленно перебирая разные источники: статьи, учебники, справочники, как монах, перебирающий чётки. Но не находил в них ответов или зацепок... В этой массе информации не было ничего, что могло бы хоть как-то разъяснить ситуацию.

Убеждения мужчины сдавали рубежи...

Он смотрел на явление, как астроном, который внезапно обнаружил, что звёзды – это всего лишь краска на куполе цирка-шапито. Правда была перед ним. Он видел её. Сам, лично. Но признавать эту правду Елецкий не хотел, точнее не мог – не позволял статус уважаемого учёного...

«Это... Ангел? Бог?» - робко подумал учёный и вздрогнув от мысли, тут же отнёс её в сторону. – «Да, что с тобой, Елецкий?! Откуда взялась такая версия? Ты же закоренелый атеист! Сосредоточься на фактах!»

Световой щит блокировал источник.

Александр мало что видел, но был готов поклясться - там, за сиянием кто-то есть. Именно «кто-то», а не «что-то». Он ощущал его всем телом, каждой клеткой организма, на уровне инстинкта. Как животное, почуявшее хищника.

И эти ощущения... они пугали мужчину.

Он чувствовал взгляд, прожигающий сознание, чувствовал необъяснимое давление. Но лишь спустя какое-то время, когда свечение поутихло, будто позволяя себя рассмотреть, боль от яркого света ушла и Александр, наконец-то, смог поднять глаза.

Он начал зрительно изучать аномалию.

Свечение показалось ему «умным», не хаотичным, а направленным, будто оно сканировало или проводило сложное вычисление.

Елецкий подался вперёд, желая увидеть больше «дозволенного», рассмотреть детали, но увы... Глаза по-прежнему

му не могли фокусироваться на источнике. Менее интенсивный, но всё ещё плотный свет, заполнял комнату без остатка. Единственное, что смог подметить учёный - свечение не отбрасывало теней. Это было прямым нарушением законов физики и это было более, чем странно.

«Невозможно...» - подумал учёный. – «Если источник света один и он точечный – должна быть тень. Если рассеянный – предметы должны подсвечиваться с разных сторон. Но здесь... свечение есть - теней нет... словно источником света является сам воздух...»

Мысль резко оборвалась.

В голове мужчины неожиданно прозвучал другой голос. Не его. Чужой.

Он не слышал этот голос в привычном смысле. Нет, то был не звук.

Звук имеет частоту, тембр, источник. А голос... Он прозвучал сразу в голове, появился из ниоткуда и сразу занял всё пространство, грубо вытеснив личные мысли учёного куда-то на периферию. Словно его мозг взломал умелый хакер и теперь, без стеснения рылся в нём, перекраивая системный код под свои нужды.

Это было неоспоримое знание. Елецкий точно понимал, что внутренний голос исходил от света. Он чувствовал, как пульсировало и дёргало в висках.

- Да, я реален, хотя ты и не желаешь в это верить, - слова не прозвучали вслух, но Александр отчётливо ощутил их

холодную нотку. Безразличного, почти скупающего превосходства.

Сердце мужчины забилося сильнее.

«Телепатия?» - внезапно мелькнуло в голове и тут же перед глазами Елецкого предметы в комнате поплыли в разные стороны, как пятна краски на воде.

- Мы называем это иначе, но смысл схож. Не пугайся. Для человеческого тела процесс адаптации к новому виду общения может вызвать дискомфорт и болезненную реакцию. Это нормально.

Из носа учёного потекла струйка крови. Он машинально вытер её рукавом и скривился от боли, пока чужой голос высекал слова на внутренней стороне черепной коробки. Во рту ссохлось от волнения. Язык прилипал к нёбу и становился неуправляемым, немел, но остановить этот процесс Елецкий был не в силах. Он не мог даже сглотнуть слюну. И ему казалось, что вот-вот он потеряет дар речи.

- Кто... - голос учёного сорвался в тихий, протяжный скрип. – Кто здесь? Кто вы такой? И что вы делаете в моей квартире?

«Это розыгрыш? Голограмма?» - одновременно подумал он. – «Коллеги с кафедры решили подшутить? Нет... они бы не стали так издеваться...»

Глаза мужчины судорожно забегали по комнате, выискивая проекторы, лазеры или дисплеи. Но он ничего не обнаружил. Свет существовал сам по себе и был стабильным. Не

мерцал, не дёргался, не реагировал на внешнее воздействие.

- Острота твоего ума восхищает. Я действительно лишь проекция и на самом деле, нахожусь далеко отсюда. Меня здесь нет, но я существую, и я реален. Чем быстрее ты это осознаешь, тем быстрее я смогу представиться и поведать о причине моего визита. Твоё сопротивление лишь продлевает напрасные мучения.

Голос в голове прозвучал привычно, но в тоже время иначе, «не по-человечески».

Глаз Елецкого задёргался в нервном тике. По спине побежали мурашки. Все его мысли считывались легко и непринуждённо, будто они были страницами открытой книги. Он не мог думать, не мог анализировать ситуацию и не мог сбежать от неожиданного гостя. О любом его решении или мысли становилось тут же известно. Он был «обнажён» перед этим существом и это чувство уязвимости было унижительнее любого физического насилия.

- Что вам нужно?! – в истерике завопил мужчина, сам того не ожидая. – Если это шутка, то она совсем не смешная!

- Твоё состояние быстро деградирует. Секунду назад в тебе пульсировало любопытство, а теперь я вижу лишь эмоции, выдающие страх. Жаль. Ты, как человек науки, должен знать – эмоции неэффективны. Страх сужает восприятие и блокирует когнитивные функции. Бояться меня не следует, по крайней мере, сейчас, - Елецкий уловил в голосе оттенок холодного анализа и любопытства, с каким учёный

наблюдает реакцию подопытного организма.

«Он снова меня читает...» - понял мужчина.

– *Чтение предполагает текст,* - услышав мысли, ответил голос. – *А в тебе сейчас одни помехи. Успокойся. Я не причиню вреда. Зачем ломать микроскоп, если нужно просто построить линзы? Ты нужен мне целым. И ты станешь идеальным инструментом, если перестанешь дрожать.*

«Вот ещё! Я не инструмент!» - яростно вспыхнула мысль и тут же потонула в ледяном океане ускользающего сознания. – «Я – человек. Я – личность. И я хочу ответы на свои вопросы! Да, кто ты такой... Что тебе нужно?» - мысленно спросил Александр, но уже с меньшим сопротивлением.

Где-то глубоко внутри ему хотелось кричать, хотелось требовать, однако воля мужчины продолжала угасать, не смотря на кипящие эмоции.

Александр сжал руками виски и напрягся, будто пытаясь дать отпор, надеясь таким образом вытеснить незваного гостя из своего разума. Одновременно с этим он живо представил в голове металлическую дверь, которая быстро опускается вниз, заслоняя его от угрозы. Но, к сожалению, попытка не удалась. По обе стороны от двери чужой голос продолжал звучать одинаково пугающе и громко. Будто преграды ничего для него не значили.

- *Хочешь знать, кто я? У меня много имён. Одни называют меня Господином, другие – Хозяином, третьи - Создателем. Я - мастер научных практик. Я – архитектор реально-*

сти. Я – многоликий мудрец. Моё имя Дархан и я - потомок великих правителей, по велению которых зарождались земные цивилизации. Но тебе, человек, я разрешаю называть меня Владыкой.

«Владыка? Великий и ужасный, я полагаю? Какая напыщенная чушь! Какой бред!» – мысль Елецкого, полная сарказма, обожгла гостя. – «Это всё... это не может быть правдой. Я сплю. Это сон...» - твердил про себя учёный. Вновь и вновь. Забыв про осторожность и телепатические способности гостя.

Он щипал руки, щипал лицо. Отчаянно пытался проснуться, но увы – контакт с неопознанным был реален.

Чудо сидело напротив и терпеливо ожидало, пока эмоции мужчины стихнут.

Тишина.

Ни обиды, ни упрёков в свою сторону Елецкий не услышал. Гость молчал, хотя действительно слышал каждое слово. И эта пауза вышла слишком долгой.

Но вдруг, в голове учёного появились звуки. Снова. И это был вовсе не голос Дархана, нет. Это были его собственные мысли, которые эхом вернулись обратно. Точнее ворвались. Другие. Видоизменённые, препарированные, разобранные на атомы.

Елецкий сжался, пошатнулся в сторону и чуть не свалился с кровати от неожиданно острой боли.

- Сарказм – это защитный механизм слабых существ,

- бесстрастно подметил Владыка. - *Ты пытаешься защищаться, пытаешься ужалить меня словами. Но разве не очевидно, что это бессмысленно? Здесь и сейчас я не имею плоти. А то, что не имеет плоти, ужалить невозможно. Твоя ирония не оставляет во мне следа. Но я вижу, как эхо эмоций откликается в тебе. Ты тратишь свои ресурсы впустую,* - голос Дархана сохранял завидное спокойствие.

Мысли учёного задевали его не больше, чем возмущённый писк очередной подопытной крысы. Обижаться или как-то реагировать он не собирался. Владыка был выше этого.

А Елецкий всё продолжал смотреть на свет в кресле и чувствовать себя пустым местом, обезоруженным, глупым. Он не знал, что ответить, как возразить или парировать слова Дархана. Он всё ещё с трудом осознавал реальность происходящего. Его разум, его хорошо отлаженный механизм давал серьёзный сбой, высекая искры отчаяния. Страх парализовывал мышцы. А холодный пот стекал по спине, пропитывая пижаму, но окаменевшее тело уже ничего не ощущало.

Александр сидел, как вкопанный.

Тем временем, свет в кресле начал снова менять свою структуру. Ослепительная точка сжалась, стала более чёткой, и на её месте возникла... фигура. Нет, не материальная, а словно сплетённая из самого света, голографическая проекция невероятной сложности. Она напоминала человеческий силуэт, но с иными, удлинёнными пропорциями, плавными, обтекаемыми линиями. Черты «лица» были размы-

ты, постоянно менялись, как узор в калейдоскопе, и только два тёмных пятна, похожих на бездонные колодцы, смотрели прямо на учёного. В них не было зрачков, лишь чёрная всепоглощающая пустота, которая казалась холоднее, чем космический вакуум.

- *Так тебе будет проще меня воспринимать*, - прозвучал голос Владыки. Его источник теперь был очевиден.

- Доказательства... - внезапно очнувшись, прохрипел Елецкий, словно решил ухватиться за последнюю соломинку, за последний бастион своего научного метода. – Я хочу увидеть доказательства того, что это не шутка... Я не привык верить на слово, тем более, незнакомцам. Мне нужны настоящие данные! А не красивые истории...

- *Разумный подход... Как учёный учёного я тебя прекрасно понимаю. Факты имеют большое значение. Они способны придать вес словам. Поэтому вот...* - прямо перед Александром, из ниоткуда, появился маленький ромбовидный кристалл, внутри которого что-то мерцало. Он парил в воздухе, отрицая гравитацию и при этом монотонно гудел. – *Передачик необходимо синхронизировать с твоим сознанием. Он упростит наше общение и поможет понять всё о чём я буду тебе рассказывать. Он поможет увидеть факты не как наблюдатель, а как участник. Бери. Не бойся.*

Елецкий замер в нерешительности. Его пальцы задрожали. Всё естество учёного, вся его интуиция кричали об опасности. В его понимании это был не просто передатчик, а яр-

мо, метка, ловушка или что-то похуже... Взять его означало сдать позиции и предоставить открытый доступ к собственному сознанию, а сдаваться так легко учёный не желал. По крайней мере точно не по своей воле.

- *В чём дело?* – поинтересовался Дархан. В его голосе впервые прозвучали нотки нетерпения, будто он устал от капризов ребёнка. – *Ты провёл свою жизнь, любуясь узорами на ковре. Я же предлагаю тебе увидеть станок, где этот ковёр был соткан. Грааль знаний прямо перед тобой, а ты колеблешься?*

- Это... это ловушка, - сглотнув, произнёс Елецкий.

- *Ловушка? И для чего же мне ловить муравья? Это бессмыслица. Ты сам просил доказательства. Я их предоставил.*

- Да, просил, но только... не в таком... не в таком виде. Не хочу пользоваться технологией, о которой совершенно ничего не знаю.

- *Хм, боишься неизвестного? Это так типично для людей... всю жизнь вы ищете новые горизонты, пытаетесь покорить неподвластные высоты, но стоит вам заглянуть по ту сторону реальности, как начинается бегство... Не будь слепцом, открой глаза навстречу правде. Другой дороги к ней не существует. Всё, что ты жаждал знать здесь, в этом передатчике. Бери его сейчас или останься жить, как ничемный муравей, –* голос Владыки резко изменился, стал более металлическим, грубым. В нём появилась такая нечело-

веческая мощь, что воздух в комнате стал невыносимо тяжёлым и густым.

Правая рука Елецкого неожиданно вытянулась и подалась вперёд, навстречу кристаллу. Сама.

Учёный опешил.

«Как это так?» - подумал он, глядя на предательски чужую конечность, которая продолжала своё движение.

Усилие. Рывок.

Мужчина прижал руку к телу, во избежание контакта, но к передатчику тут же потянулась другая – левая.

Конечность превратилась в канат, перетягивать который с каждой секундой становилось всё тяжелее и тяжелее.

Елецкий выдохся за пару минут.

Долго противостоять голосу он не смог. Его «я», его воля сжались до крошечной, едва заметной точки. И сам не понимая зачем, мужчина сдался и позволил руке дотянуться до мерцающей цели. Вопреки своим истинным желаниям. Будто голос Владыки на мгновенье отключил его волю и начал управлять им, как марионеткой. Дёргая за ниточки...

В глазах потемнело.

Когда осознание происходящего наконец-то вернулось обратно, пальцы Александра уже прижимали сверкающий гаджет к собственному виску. Кристалл пульсировал в такт сердца, подстраиваясь под биоритмы будущего хозяина. Трепетал, как живой организм и притягивался к коже мелкими, электрическими нитями, словно вращаясь в тело и становясь

его частью.

От касания передатчика в голове учёного рванула острая боль, пронзила её насквозь и упёрлась куда-то в шею. Но это была не просто физическая боль. Это было чувство насильственного взлома, насильственного вторжения. Невыносимая, сверлящая боль...

В глазах снова потемнело.

Елецкий вскрикнул и провалился куда-то внутрь себя, внутрь кристалла. Сознание схлопнулось мгновенно, и он полетел... В пучину, где рождались ответы на вопросы, которые он даже не умел задавать.

Когда учёный пришёл в себя, поверить глазам оказалось ещё сложнее, чем прежде. Он уже не находился в своей комнате. Нет, то, что царило вокруг можно было смело назвать цифровой тюрьмой или даже пустотой. Потому что пространство, в котором находился Александр, было пугающе холодным, бесконечным и абсолютно серым. Грани в нём стирались, превращая окружение в одно единое грязное пятно.

Елецкий встал на ноги, осмотрелся. Всё вокруг него выглядело неестественно плоским. Даже он сам...

«Это ещё что такое? Виртуальная реальность? Я внутри компьютерной программы?» - размышлял Александр.

- И снова браво, - раздался уже знакомый голос Владыки. – *Технология работы передатчика очень похожа на то, что*

вы - люди называете виртуальной реальностью. Только наш вариант более продвинутый. И теперь, благодаря синхронизации, ты сможешь получать не только голосовую информацию, но и визуальную. Это гораздо больше, чем ты просил. Возрадуйся. Ты прикоснёшься к запретным знаниям, станешь одним из немногих, кто познает правду. Ну что, человек? Ты готов к этой великой чести? Готов увидеть доказательства?

Голос Дархана звучал громче, отчётливее, будто был повсюду. Будто был голосом самой реальности. Но Елецкий больше не видел свет, не видел фигуру и вообще слабо понимал откуда именно доносятся звуки.

- Ты готов? – снова спросил Владыка и Елецкий нерешительно махнул головой, но тут же пожалел. В прошлый раз согласие обернулось болью и кровью. Мышцы напряглись, ожидая удара. – *Хорошо, значит приступим.*

Внезапно, серое пространство пришло в движение. На горизонте замаячили проблески света. Эти тонкие пульсирующие энергетические нити то загорались, то потухали, формируя новые силуэты и образы. Программа передатчика загружала нужные данные.

И спустя считанные секунды бездонная пустота превратилась в хранилище объёмной информации.

Сознание Елецкого слилось с этим потоком. Само. Учёный мгновенно ощутил крепкую связь. Он ждал удара, но вместо боли пришло... наслаждение. Поток данных хлынул

в сознание, и Александр, вопреки себе, распахнулся ему навстречу. Это было неправильно, неестественно и чертовски приятно. Так приятно, что он забыл о страхе. Мужчина почувствовал, как парит в океане данных, словно медленный, грациозный кит. И эти новые ощущения нравились ему больше, чем он ожидал. Елецкий буквально впился в них, как какая-то пиявка и начал с жадностью поглощать информацию. Поток вливался горячей волной. Но всё, что Александр видел вокруг, было не совсем изображением. Он сам был этим потоком. Научные концепции, математические вычисления, формулы и даже хроника целой Вселенной – все эти данные поступали в мозг Елецкого напрямую, минуя привычные органы чувств. Он не видел и не слышал в человеческом понимании этих слов – он просто знал.

- В начале бытия существовал лишь бесконечный космический океан, по просторам которого одиноко плавал Всевышний Создатель, – нарушив тишину, прозвучал голос Владыки, и Елецкий вздрогнул. Голос Владыки заметно изменился, стал почти человеческим. И мужчина не понимал в чём причина таких разительных изменений: эта история была слишком важна для Владыки или это была очередная уловка – адаптация под человеческое мышление или даже хуже... под человеческую доверчивость. - Он так долго созерцал эту тёмную и неприветливую пустоту, что однажды решил взболтать начальные воды своим дыханием. По велению божественного слова родилась Всеобщая мать.

Следом появились их совместные дети. И это стало началом времён, - наконец-тосмолк Владыка, и его история начала обретать формы.

Елецкий напрягся.

Массивная звезда рядом с ним, неожиданно начала своё движение.

Её жизненный цикл уже подходил к концу: в недрах догорали запасы топлива, температура ядра стремительно росла в попытке противостоять коллапсу, но внутреннее давление уже не могло сдерживать силу гравитации.

Учёный наблюдал ускоренную версию событий, как бы со стороны, и при этом точно знал, что именно происходит. Знал все причины, без комментариев и пояснений, потому что вся информация продолжала литься в его сознание напрямую.

Массивная звезда трепетала.

Естественный финал эволюции грозился запустить процесс самоуничтожения в любой момент.

Елецкий смотрел на умирающую звезду и понимал: это не аллегория.

«Масса - восемнадцать солнечных. Температура коллапсирующего ядра - три миллиарда кельвинов» - он знал эти цифры, как знал и то, что именно такой взрыв рождает тяжёлые элементы. – «Но откуда это известно Владыке? Неужели они способны смоделировать всё с такой точностью, какая земной науке и не снилась?»

И внезапно, всё началось...

Звезда поблёлкла, задрожала, словно в предсмертной агонии. Гравитационное коллапсирующее ядро сжалось с такой силой, что вызванная этим чудовищная ударная волна вырвалась наружу.

Свечение. Взрыв. Тишина.

Яркая вспышка прорезала собой непроглядную тьму. Ударная волна одномоментно уничтожила звезду, и множество её останков разлетелось на сотни световых лет. Это был последний вздох умирающей звезды – взрыв сверхновой.

Обычный, человеческий рефлекс заставил Елецкого закрыть глаза. Инстинктивно. Однако, к большому удивлению, он, будучи потоком информации, ничего не ощутил: ни боль от яркого света, ни силу ударной волны, ни обжигающий жар, ничего... В этом мире учёный существовал не физически. Он был набором данных, как нули и единицы в компьютерном коде.

А вот плотное межзвёздное облако существовало в потоке по-настоящему. Ударная волна беспрепятственно прошла сквозь него и облако содрогнулось от невероятной мощи взрыва.

С этого момента начались ключевые изменения...

Энергия взрыва сжала и привела облако в движение. Вещество в нём стало сближаться и сталкиваться. И это происходило так долго, что однажды, в его центре, под действием собственной гравитации, зародилась новая звезда. А за ней

и новые планеты.

В реальности процесс эволюции длился невероятно долго, но Елецкому посчастливилось увидеть эти трансформации в пределах считанных минут.

- Смерть одной звезды стала началом жизни другой. Так в галактике появилась новая звёздная система, - снова вмешался голос, будто решил лично поведать эту часть хроники.

Прямой поток данных внезапно остановился.

Тишина.

А затем заговорил голос и картинки в голове Елецкого начали меняться в такт с рассказом Владыки.

- Поначалу в ней царил хаос. Десятки протопланет беспорядочно кружили вокруг своей звезды и продолжали сталкиваться, образуя в слиянии массивные небесные тела. Казалось, что это бойня никогда не прекратится. Зачатки планет либо становились частью гигантов, либо отправлялись в изгнание, за пределы звёздной системы. Всеобщая мать была одной из тех, что разрушала всё на своём пути. Её размер превосходил остальные планеты и потому, двигаясь к центру, она нарушала их орбиты и создавала гравитационный хаос. Небесное семейство трепетало перед могуществом гиганта. А мелкие тела, попадая в ловушку притяжения, и вовсе становились её безвольным воинством. Но, ничто не вечно, - голос внезапно умолк и продолжил звучать лишь после внушительной паузы. - С приходом Скитальца из далёких вод, правлению Матери пришёл конец. Пути планет

пересеклись. Грандиозное столкновение откололо от гиганта внушительный кусок, и Скиталец его поглотил, – произнёс Владыка и вдруг снова смолк, будто давая Елецкому время насладиться эпичным зрелищем. И он действительно восхищался увиденным, но передать это чувство словами не получалось. Таких слов не было даже в его словарном запасе. Более того, во всём мире не было таких слов, которые могли бы точно и красочно передать все эмоции учёного. - Вернувшись на место сражения спустя один оборот, Скиталец вновь оказался на пути Всеобщей матери. На этот раз его размеры были большие, а последствия столкновения серьёзнее. Планета-гигант раскололась пополам. Одну часть, вместе с великим воинством спутников откинуло в нижние воды системы, где останки раздробились и образовали пояс астероидов. Другую часть откинуло ближе к Солнцу. И словно вечный трофей сражения – Земля, заняла своё место на той орбите, а серая воительница - Луна, стала её вынужденным спутником. Так наступил новый виток развития. – Елецкий похолодел. Перед ним была величайшая симуляция в истории. Гипотеза ударного формирования Луны. Та самая Тейя... Десятилетия споров, моделирования, поисков доказательств, а в потоке это всё было показано, как документальная хроника. Подробно. Словно оператор просто стоял рядом и снимал. -В системе появились равновесие и стабильность. Раны Земли заживали, превращая её в полноценную планету. Каждый из небесного семейства, найдя

свой путь, больше не пересекался с чужими орбитами. Все находились строго на своём месте, и только вечный Скиталец не мог найти своё пристанище. Новые братья вытолкнули его обратно в космос, где он продолжил своё путешествие в гордом одиночестве. Такова судьба... Но, несмотря на то что планета, оказалась в экстремальных условиях, именно на Скитальце чудом уцелели семена жизни – органические молекулы, занесённые ещё с древнего облака, а также с обломков Всеобщей матери. Скиталец был одарен благодарностью. Время лишь довело начатое до конца, сотворив с планетой настоящее чудо. Но об этом я расскажу тебе в следующий раз, - голос окончательно стих, и все образы мигом испарились, погасли, превратившись обратно в серую пустоту, от которой учёного резко сконфузило.

«Не сходится», - вернулись вездливые мысли настоящего Елецкого, его прежнего «я», - «Протопланетный диск, аккреция, миграция планет – всё это уже описано. А тут... Всеобщая Мать, Скиталец... Это похоже на красивый миф, не более...»

Мужчина затрясся.

Разъединившись с потоком, он впервые ощутил себя и ощутил жажду. Нестерпимую, жгучую, пульсирующую. Он ощутил желание вернуться обратно, вопреки не состыковкам и расхождению. Желал изучить всё подробнее, разобраться, разложить данные, так сказать, по полкам. Он хотел ещё. Каждая клетка мозга требовала продолжения, будто

успела крепко подсесть на эти запретные знания. Так сильно, что Елецкий начал сомневаться.

«А что, если это хроника, а не миф?»

Учёный застыл. Он уже не знал, чему верить. На первый взгляд, всё увиденное казалось обычной выдумкой, но цифры в потоке были правильными, а формулы точными. Это не укладывалось в голове, но перепроверить Елецкий уже не мог. Вход в поток закрылся.

- Нет! Что значит в другой раз?! - слова вырвались раньше, чем он успел их обдумать. Елецкий осёкся. Ему стало стыдно. Он кричал, как наркоман, у которого отобрали дозу. Но стыд не гасил жажду. Напротив. Гул в ушах нарастал, перед глазами плыло, а где-то глубоко внутри пульсировало лишь одно желание: продолжай, не смей замолкать, верни меня в поток...

Учёный становился противен сам себе. И от этого было только страшнее.

Но Дархан молчал.

Елецкий метнулся вперёд, закричал ещё раз, будто пытаюсь удержать ускользающие образы. Бесполезно – поток уже исчез, растворился без остатка.

Фигура в кресле тоже погасла.

Мужчина взвыл.

Агония нарастала, трансформируясь в боль. Напряжение, шок и усталость растекались по венам, словно яд. Угасала и ясность сознания. Учёный сопротивлялся, как мог, пытался

перехватить управление телом, но темнота в глазах сгустилась...

Вопреки его желаниям...

Когда мужчина очнулся, за окном уже светало. Он лежал в своей постели, как ни в чём не бывало. Комната была прежней. Никаких следов ночного гостя не осталось.

Пальцы скользнули по виску. Кожа была гладкой. Никакого кристалла.

«Сон? Просто сон?» - разочарованно подумал учёный и громко рассмеялся над самим собой.

А где-то глубоко в ухе, на грани слуха, стоял едва уловимый, монотонный гул, похожий на звон тишины.

«Он всегда там был?» - задумался Елецкий и улыбка тут же сошла с его лица.

Теперь учёный ни в чём не был уверен...

Глава 2. «Новый взгляд»

Смех застрял в горле, как нервный комок. Елецкий ещё раз пробежался глазами по комнате и резко вскочив с кровати, подошёл к окну.

Город просыпался. Люди и машины заполняли улицы. И всё, вроде бы, было как обычно, но учёный отчётливо понимал – что-то не так. Нет, ни с его комнатой, ни с городом и ни с миром в целом. Что-то не так с ним самим.

Он подошёл к зеркалу. Измученный вид и тёмные круги под глазами намекали на бессонную ночь. Взгляд казался стеклянным. А в глубине зрачков таился пустой, безжизненный отблеск. В висках продолжало звучать тихое жужжание. Не звук, скорее ощущение. Будто где-то в голове работал маленький моторчик.

«Последствия сна или нервы» - решил про себя Елецкий, наливая в стакан воду из графина. Но его рука предательски дрожала. Капли воды разлетались в разные стороны и унять эту дрожь было невозможно. Потому что она исходила откуда-то изнутри, была чужой и совершенно неконтролируемой. Елецкий опустил глаза.

На рукаве пижамы багровело пятно. Он с ужасом отставил графин и попытался придумать разумное объяснение, однако, вместо отговорок в голове мужчины всплывали ночные воспоминания.

Слишком чёткие и яркие для обычного сна.

Елецкий помнил всё... каждую мелочь, каждое слово, каждую эмоцию, будто действительно их пережил.

В голове крутились формулы и модели. Он видел их в потоке данных. Сложные, но при этом абсолютно понятные. Они объясняли то, над чем десятилетиями бились лучшие умы планеты. Они заполняли пробелы знаний и радикально меняли представление о Вселенной. Формулы были уникальны. Но Елецкий знал их и знал в точности. Каждый знак был филигранно высечен в его памяти и надёжно сохранён.

«Неужели... а вдруг...» - задвигались мысли в голове учёного. – «Нет... да не может быть...»

Ещё помятый, с растрёпанной шевелюрой, Александр быстро включил свой ноутбук. Пальцы затанцевали на клавиатуре с сумасшедшей скоростью. Он лишь подумал о том, что именно хочет вычислить, как его руки тут же начали печатать. Сами собой. Мужчина видел их движение, но не чувствовал. Данные лились сплошным потоком, минуя сознание, словно их кто-то диктовал. Тело не слушалось. И в какой-то момент Елецкий отключился от реальности, впал в транс, окончательно потеряв управление над самим собой.

Время перестало ощущаться.

Лишь придя в себя, учёный обнаружил на экране компьютера не просто формулы или рабочие модели, а целую научную работу, где в мельчайших подробностях описывались стадии формирования нашей солнечной системы и вся её

эволюция. От самого начала до конечного результата. И в таких нюансах, о которых раньше Елецкий просто не знал. Да что там! Не знал никто!

Но эти знания... они были извне... И на фоне них, его собственные модели и научные исследования казались теперь обычными, детскими каракулями. До смеха простыми и примитивными.

Более того, одна только эта работа обесценивала всё, чему он посвятил целую жизнь. Она перечёркивала его прежние труды и открывала путь к иным, ранее не известным знаниям. Объясняла то, о чём люди смогли бы узнать самостоятельно разве что лет через триста или вовсе никогда...

- Как? Откуда я это знаю? – испуганно заметался мужчина, вытирая холодный пот со лба. - И что мне теперь делать? Если я это опубликую меня объявят гением... или сумасшедшим... Или и тем, и другим... А если спросят, как я это сделал? Что мне ответить? Приснилось? Нет, в такую отговорку даже ребёнок не поверит... А ведь эти знания не мои... они из потока... Получается, это был вовсе не сон...

Елецкий захлопнул крышку ноутбука и отскочил в сторону, как ошпаренный.

Учёного наконец-то осенило – ночной гость был реальным. А это означало лишь одно – кристалл, полученный от Владыки тоже настоящий.

- Судя по гулу в голове этот передатчик не исчез. Он... он во мне... - запинаясь и теряя голос, ужаснулся мужчина. -

И он не просто вживился в мозг, а перепрограммировал его, превратил в живой интерфейс...

Теперь Елецкий всецело понимал масштаб трагедии. Понимал, что отныне он – больше не он.

Теперь сомнений не было – его Храм разума насильно осквернили и захватили.

Теперь он - учёный с внушительным багажом опыта и знаний, превратился в чужой инструмент, в рупор инопланетного голоса. Вопреки своей воле стал марионеткой...

Но самым страшным было другое... Елецкий не знал истинных целей этого вмешательства... не знал, почему из более восьми миллиардов людей выбрали именно его... не знал сколько ещё пробудет «самим собой» ... и как долго сможет сопротивляться внешнему воздействию.

Его личность, его «я» стремительно утекали сквозь пальцы, как вода. И впервые в жизни он не мог понять «как всё работает», потому что научного объяснения этому феномену просто не существовало.

Елецкий стоял без движения и беспомощно дрожал. Он чувствовал себя вивисектором на собственном вскрытии. Чувствовал себя подопытным, инструментом для достижения чужих целей.

На секунду в груди вспыхнула ярость - чистая, злая, почти звериная. Он сжал кулаки. Захотелось ударить по столу, разбить зеркало, закричать так, чтобы Владыка услышал. Но ярость погасла так же быстро, как появилась. На крик не бы-

ло сил. На удар тоже. Осталась только дрожь.

«Марионетка... теперь я – его марионетка...» - прошептало сознание мужчины и где-то глубоко в виске что-то согласно зажужжало.

Когда Елецкий наконец-то сдвинулся с места, его походка и ритм были медленными, но чёткими. Всё, что он делал после, походило на движения робота: мужчина механически принял душ, оделся, позавтракал, выпил кофе. Руки без колебаний выполняли привычные действия, но сам он смотрел на это, будто со стороны.

Мозг осознавал – это ненормально, так быть не должно. Однако действия происходили вопреки истинным желаниям.

Учёный попытался дать отпор, попытался НЕ включать кран, НЕ брать вилку, НЕ поднимать чашку, НЕ одевать носки – бесполезно.

Всё повторялось. Так же, как это было с научной работой – кто-то им управлял, грубо вмешивался извне, заставляя следовать заложенной программе.

Конечно, его «я» сопротивлялось этому вторжению. Оно билось в истерике и стучало по решёткам клетки, куда Владыка поместил его разум. Но эти проблески были всего лишь жалкой попыткой восстановить контроль.

Он больше не был самим собой в привычном смысле этого слова.

Теперь он был инструментом.

Дорога до института состояла из проблесков. В один момент – Елецкий шёл по дороге, чувствуя ветер на своём лице, слыша гул города, осознавая свой маршрут. А уже в следующий момент, в виске, там, где ночью был установлен кристалл, чувствовалось леденящее покалывание и мир расплывался, превращаясь в бессмысленный фон. А он сам становился лишь пассивным наблюдателем в собственной голове, пока тело продолжало двигаться вперёд на автопилоте. Это было похоже на провалы или на сон наяву. «Я есть» сменялось на «меня нет» и граница между этими состояниями с каждым разом становилась всё тоньше и тоньше.

В метро сознание снова вернулось. Учёный понимал, где он и куда движется. На мгновение ему даже показалось, что контроль вернулся полностью.

Он стоял на перроне, вдавившись в толпу, вдыхая спёртый воздух с привкусом пыли... и взмах ресниц. Всего лишь один взмах ресниц перенёс его уже в другую локацию. Из вагона Александр выходил, не помня, как туда вошёл и как ехал. Его сознание мигало, будто старая лампочка, грозившись в любую минуту окончательно потухнуть. И промежутки между этими вспышками становились пугающе короткими.

Елецкий смутно помнил, как добрался до института, привычные стены которого теперь казались ему лишь декорациями к кошмару. Пока его «я» билось о решётки клетки, ноги

мужчины шли вперёд. Сами... Попутно Александр механически кивал коллегам, здоровался, дежурно улыбался и бормотал что-то сквозь зубы, но этими движениями управлял не он, а передатчик – внеземной гаджет, насильно вживлённый в мозг.

Очередной проблеск сознания настиг Елецкого уже в кабинете. Он небрежно бросил портфель с документами и свалился в кресло, как тряпичная кукла. Абсолютно обессиленный, уставший от жалких попыток вернуть контроль. Это был «он», наконец-то он – живой, настоящий, думающий и действующий по собственному желанию. И всё же, параллельно, где-то вдалеке Александр уже чувствовал – новая волна забвения грядёт... она уже на подходе.

«Нет! Я больше не хочу терять контроль! Не позволю!»

Елецкий напрягся и попытался уцепиться за рутину, как за якорь. Он разложил папки на столе, запустил моделирующую программу, открыл свежий номер журнала и начал читать. Бумага пахла типографской краской — это был знакомый, успокаивающий запах. И на секунду Елецкому вновь показалось, что контроль в его руках. Что у него получится затеряться в привычной рутине и прийти в норму. Но увы, отгородиться от безумия стеной из уравнений не получилось...

Течение потока оказалось, намного сильнее якоря...

Мужчина опустил глаза.

Пальцы левой руки уже набирали текст на клавиатуре...

Потом подключилась и правая...

Рука резко дёрнулась, отбросила журнал и прильнула к мышке. В ушах зазвенело, ледяное покалывание ударило в висок и гул усилился, превратившись в низкочастотный вой, который ощущался скорее челюстью, чем слухом. Зрение помутнело по краям, фокусируясь только на экране.

- Александр Сергеевич, что это? - прозвучал чей-то голос из-за спины. – Это... это же гениально! Как вам удалось вывести формулы? А эта модель... она... она корректирует добрую половину базовых постулатов... она всё меняет... Всё!

Елецкий не ответил. Он смотрел лишь на руки. На свои пальцы, которые ударяли по клавиатуре пугающе быстро и чётко. Движения выводили символы на экране. Изящные и сложные, которые плавно складывались в уравнения, описывающие не просто теорию, а конкретную историю. На экране снова была работа, та самая, которую ещё утром мужчина с такой же лёгкостью воссоздал на своём домашнем компьютере. Формулы, схемы и описания были одинаковые. Слово в слово.

Учёный писал автоматически. Мозг, лишённый необходимости трудиться, купался в готовых ответах и это ощущение было тяжёлым, но одновременно приятным. Даже сладким. Куда слаще, чем открытия, добытые трудом. Ощущение всезнания буквально одурманивало своей сладостью и тем самым наводило на Елецкого жуткий ужас...

- Простите, Александр Сергеевич... - запнулся Мурзаков, стоящий за спиной Елецкого. — Как вы пришли к этому?! Формулы и модели совершенно не типичны для классической интерпретации. Их простота и в тоже время гениальность поражает масштабами, — с горечью добавил молодой коллега, собственные работы которого постоянно подвергались жёсткой критики. О таком прорыве он мог только мечтать... И потому, Мурзаков был не просто ошарашен записями, он был раздавлен грузом собственной никчёмности. Такое... такое повторить ему было не под силу... Точно не в этой жизни...

Тишина.

Внезапно к Елецкому вернулось сознание. Не полностью. Он видел работу на экране, слышал слова коллеги, осознавал их значение, но контролировать тело по-прежнему не мог. Александр лишь чувствовал, как его собственная голова поворачивается к Мурзакову, а губы растягиваются в улыбку.

- Посмотри внимательно, Глеб, - прозвучал его собственный голос, но в непривычной для него интонации — О, нет... это не просто формулы и модели. Это истина, чистой воды правда. И я докажу всем, что она единственно верная.

Мурзаков нагнулся ближе к экрану, и нацепив очки, продолжил внимательно изучать текст. Его глаза жадно поглощали строки.

- Феноменально... удивительно, - причитал Глеб, не скрывая восхищения. - Но откуда параметры? Мы же не можем

их измерить с такой точностью! Это просто невозможно... разве что в теории.

- Повторяю ещё раз, это не теория, - резко ответил Елецкий и рука его щёлкнула, открывая новый файл, где тут же возникла визуализация выбранной модели. — Это реальная хроника Вселенной.

Мурзаков выпучил глаза и громко ахнул от увиденного. Коллеги, проходящие в тот момент по коридору, остановились, заглянули в открытую дверь. И привлечённые его неестественной мимикой, без приглашения вошли в кабинет. Их было двое: Орлова Вера Петровна - специалист по спектральному анализу, и Руднев Андрей Игоревич - заведующий лабораторией. Они, на манер Мурзакова столпились за спиной Елецкого, сначала с любопытством, потом с нарастающим изумлением.

- Это... это переворот, - тихо протянул Андрей Игоревич. Его взгляд был полон не восхищения, а животного, профессионального шока. Ведь только что, он – друг и вечный соперник Елецкого проиграл свою жизненную партию, без шанса на реванш. - Ты описал механизм формирования системы с точностью до... до лунной пыли. Но как?

- Путь был мне показан, - механически ответил Елецкий, и в эту же секунду его собственное «я», загнанное в дальний угол сознания, в ужасе забилося. «Заткнись! Замолчи!»

- То есть, как показан? Кем? Какие источники? - с любопытством спросила Вера Петровна. Её цепкий ум сразу учу-

ял не научный прорыв, а необъяснимую аномалию.

И тут Елецкий ощутил, как контроль дрогнул. Чужое присутствие в его разуме словно на миг ослабило хватку, упиваясь вниманием, восхищением и признанием. Это была лазейка. Ценой нечеловеческого усилия, сдавленным, сиплым шёпотом, который сорвался с его настоящих губ, он выдавил:

- Бред... Это всё бред... Не смотрите... Формулы не правильные... Модель нерабочая... Это ошибка!

- Ну, как же не рабочая? – возразил Руднев. – Как по мне, она идеальна... Да за такой прорыв тебе Нобелевская премия светит, не меньше!

Елецкий сжался. Похвала, восхищение, признание – всё чего он так жаждал и к чему стремился теперь выглядело никчёмно и глупо. Да, передатчик в голове позволял с лёгкостью открывать новые горизонты, он манил своей силой и знаниями, но вместе с тем, инопланетный гаджет перечёркивал Елецкого, как учёного, обесценивал его собственные труды. В этом бесконечном потоке данных заключалась смерть всего, чем он был. Ведь знания теряли смысл, если их просто надиктовали на ухо. А быть чьим-то диктофоном Александр не хотел.

На лбу выступила холодная испарина. Его рука, его собственная рука, дёрнулась к мышке. И он не просто стёр файл - он его уничтожил. Безвозвратно. Палец с силой, гранича-

щей с болью, ударил по Delete¹, затем Shift+Delete², отменил сохранение, очистил корзину. И на экране воцарился чистый, синий рабочий стол с видом на туманность Андромеды.

В комнате повисла гробовая тишина...

Вместе с файлом исчезло и бывшее спокойствие. Каждая клетка организма будто забилась в истерику, требуя вернуть потерянный рай. Вернуть связь с потоком... Но управление сознанием уже было под контролем Елецкого.

Он повернул голову.

Трое коллег смотрели на него, как на сумасшедшего. На лице Мурзакова застыло разочарование и непонимание. Вера Петровна прищурилась. Андрей Игоревич открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Елецкий ждать не стал. Он резко вскочил из-за стола, сбив стопку папок, которую совсем недавно бережно уложил на край. Не смотря ни на кого и ни на что, натянув на себя пальто, как броню, он выбежал из кабинета, из института, прочь на улицу, подальше от этих пытливых глаз и расспросов.

Свежий поток воздуха приятно обдал его пылающее лицо. Он успокаивал, охлаждал ум и приводил в порядок мысли. Александр остановился, закрыл глаза, сделал глубокий вздох.

¹ Кнопка удаления на компьютерной клавиатуре.

² Комбинация клавиш для безвозвратного удаления выбранного файла, без его размещения в «Корзине»

«Всё наладится, всё наладится» - причитал он про себя.

Но, открыв глаза, учёный понял – это очередной самообман. Ничего не наладится!

Потому что новая вспышка сознания перенесла его обратно в квартиру, и он не знал... совсем не помнил, как туда добрался.

Провалы сводили с ума... Учёный не принадлежал самому себе и представить более изощрённую пытку было сложно.

Елецкий буквально задыхался от паники. Он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег, но частое дыхание не помогало прийти в себя. Он сидел один, прижавшись спиной к двери и бился головой, в надежде через боль сохранить своё «я» хотя бы немного подольше. Сердце жутко колотилось. Так, будто хотело выпрыгнуть и убежать. В ушах звучал неугомонный гул. Его трясло. Но не от страха, а от жгучего стыда и ярости. Его использовали... Его разум превратили в фонтан, из которого била чужая истина, а его самого выставили перед коллегами сумасшедшим. Это было унижительно...

Но под покровом стыда, глубоко в подкорке, шевелилось и другое чувство. Жажда. Точно такой же силы, как отвращение. Он помнил лёгкость, с которой знания рождались в его голове. Помнил чувство всемогущего понимания, когда Вселенная была не загадкой, а открытой книгой. Он видел станок мироздания и теперь не мог решить, что же делать

далее: поддаться соблазну или сохранить своё «я», сознательно отказавшись от запретного, но такого сладкого плода знаний.

Ученый был растерян. Он не понимал зачем Владыка транслировал эти данные, зачем заставил показать их другим и что, чёрт подери, значат все эти откровения. Почему это происходит именно с ним и именно сейчас?

Ответов не было.

Тем временем за окном смеркалось.

Елецкий был рад этому факту, как никогда раньше, потому что ждал ночи и ждал появления Владыки. Ждал возвращения слепящего света в кресле. Он был готов вопить, умолять, вырывать кристалл из виска голыми руками - лишь бы получить объяснение. Он хотел знать причину и цену, которую придётся заплатить за эти откровения. Хотел знать, что с ним случится. Хотел знать, как долго он ещё будет собой, прежде чем станет лишь удобным сосудом для чужих нужд.

Шло время, ночь сгущалась, комната становилась всё темнее и темнее... Но никакого свечения, никакого голоса в голове так и не появилось... Владыка не пришёл.

И эта тишина, это безразличие были страшнее любого явления. Это значило, что его не просто использовали - им пренебрегли. Его истерика, его борьба, его отчаянное ожидание — всё это было столь незначительно, что не требовало даже реакции. Он был всего лишь инструментом, который выполнял свою функцию.

Елецкий засмеялся в темноте. Громко. Истерично.

А потом завопил, что есть силы...

Звук получился надтреснутым, переполненным горькой безысходностью. Его профессиональный мир лежал в руинах. Собственные работы превратились в мусор. А новый мир, мир абсолютного знания, был для него тюрьмой с позолоченной решёткой. Он боялся передатчика, боялся потери себя, боялся стать его вечным рабом.

Но главный выбор, который стоял перед ним, был не между свободой и рабством. Он уже не был свободен. Выбор был между сопротивлением в пустоте и падением в чистый поток света. Между жалким существованием разбитого человека и великой участью сломанного, но просвещённого инструмента.

Это был сложный выбор, где каждая из сторон пугала его по-своему.

Крик стих.

Он выдохся. Кричать было некому. Ждать некого. Паника, прокрутившись вхолостую, оставила после себя странную, почти неестественную тишину. И в э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.